

фии проблема взаимоотношений Советского государства и православия в 1917–1940 гг. в стране в целом, и в Бурятии в частности, является одной из наименее изученных».

В разделе «Рецензии» опубликованы две статьи на исследуемую тему. Это «Старообрядчество — феномен прошлого или настоящего» Ю.Я. Вахрущева (ИИЭЕ: 2007. С. 522–525), где дан обзор монографии Кострова А.В. «Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX–начале XX вв.». И статья Р.Ю. Зуляр (С. 525–530) «Православная церковь в Восточной Сибири в исследовании сибирских историков» — рецензия на монографию А.В. Дулова, А.П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII–начале XX вв.».

Таким образом, анализ работ по истории РПЦ, опубликованных в «Иркутском историко-экономическом ежегоднике», показывает растущий интерес к теме, расширение диапазона проблем, увеличение количества разрабатывающих ее исследователей. Эта тенденция проявляется по всей стране: растет количество конференций, посвященных изучению России в религиозном пространстве, появляются сборники и монографии, пишутся и защищаются диссертации. Проявлением этой тенденции, представляется и открытие на базе Иркутского госуниверситета отделения со специальностью «религиоведение». Все это позволяет надеяться, что и в дальнейшем проблемы деятельности, влияния, исторической значимости РПЦ в жизни региона, будут анализироваться на страницах ежегодника многими исследователями.

А.А. ИВАНОВ

А.В. ПЕШЕХОНОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ

Среди исследователей политической ссылки в Сибирь конца XIX–начала XX вв. с удивлением можно встретить имя Алексея Васильевича Пешехонова. Того самого: эсера, основателя партии народных социалистов, одного из редакторов газеты «Сын Отечества», а после февраля 1917 г. — министра продовольствия Временного правительства, затем эмигранта, неоднократно обращавшегося с просьбами вернуться на родину.

А.В. Пешехонов в 1912 г. в нескольких номерах журнала «Русское богатство» опубликовал «Очерки политической ссылки», ставшие, на наш взгляд, настоящим явлением в либеральной историографии данной темы (А.В.П. Очерки политической ссылки Русское богатство. 1912. № 7–9). Поставив перед собой и успешно решив задачу «показать жизнь ссыльных, как она сложилась», автор сумел сделать ряд обобщающих выводов и заключений, определивших основные направления в изучении этой темы и для других исследователей, в том числе и советского периода.

Прежде всего, настоящая работа привлекает внимание своей источниковой базой. Автором обработаны документальные материалы политических ссыльных Киренского уезда Иркутской губернии за 1908–1912 гг., собранные и отправленные в редакцию «Русского богатства» эсером А.Н. Алешковским. В первую очередь это десять номеров гектографированного «Листка ссыльных», которые, как пишет Пешехонов, «в совокупности составили бы книгу около 200 страниц», затем это подробнейшим образом разработанные анкеты, постановления и отчеты различных групп и организаций ссыльных, протоколы собраний, очерковые зарисовки, дневники и свыше 150 писем (Указ. соч. № 7. С. 43).

Систематизация этого разнообразнейшего материала была начата еще самим А.Н. Алешковским, которому, как он пишет, «в атмосфере обысков, арестов и погони за куском хлеба» удалось лишь «наскоро составить опись, кое-где поставить сноски». С некоторыми перерывами обработка текущего архива велась им более двух лет, причем удалось привлечь к этому делу и других ссыльных, например, — С.И. Новосадского, В.С. Фаддеева, Н.А. Александрову. В одном из последних писем в редакцию «Русского богатства» Алешковский пожелал удачи Пешехонову в деле «освещения в печати ссыльной жизни», и передал «свой земной поклон человеку, которого полюбил больше всех других, автору «Слепого музыканта» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 287. Лл. 9–10, 297, 304, 339).

А.В. Пешехонов, обладая талантом публициста и исследователя, уже хорошо знал эту тему, так как за свои политические убеждения неоднократно преследовался и ссылался. Ему удалось за короткий промежуток времени проанализировать весь имеющийся материал, дополнить его, обобщить и сделать интересные выводы. «Жизнь ссыльных в Киренском уезде, — указывает он, — несомненно, имеет свои особенности. Но при всех особенностях в ней... очень много общего со ссыльной жизнью в других «отдаленных местностях», а некоторые данные о ней... можно считать характерными вообще для политической ссылки последнего времени» (А.В.П. Очерки политической ссылки Русское богатство. 1912. № 7. С. 44).

Что же еще примечательного в работе А.В. Пешехонова?

Автор делит свои очерки на две условные части — статистическое изучение политической ссылки с одной стороны, и исследование ее внутреннего мира и облика, с другой.

Основой его обобщений стали разнообразные данные о 700 политических ссыльных, собранных ими самими при помощи анкет и переписей, производившихся в Александровской тюрьме, на этапе, на месте ссылки. Объектом изучения стала «пореволюционная», как пишет автор, ссылка 1908–1911 гг. При этом, большая часть ссыльных были ссыльными «по суду», меньшая — высланными административно.

Прежде всего, анализ конкретного материала позволил Пешехонову, пожалуй, первому из исследователей массовой ссылки, сделать точные и исчерпывающие выводы о ее национальном составе. Он отмечает ее

«этнографическую пестроту» и выделяет из общего числа осужденных в первую очередь русских («великороссов») — 44,0%, затем евреев — 15%, латышей — 11% и поляков — 7%. Автор не делает подробного комментария этим данным, замечая лишь, что национальное «разнообразие больше всего кидается в глаза», однако читатель и будущий исследователь отмечают главное — преобладание русских революционеров в радикальном общественном движении многонациональной Российской империи (Там же. С. 48).

Заслуживают внимания и выводы автора относительно профессионального состава политических ссыльных. Его также поражает их пестрота и разнообразие: сестра милосердия стоит в списке рядом с кожевником, лесовод — с плотником, актер — с псаломщиком. Автор насчитывает среди ссыльных около 50 профессий. При этом возглавляют список ремесленники и рабочие, составляя 46,9% от общего числа, затем с большим разрывом идут люди «интеллигентного труда» — 18,5%, «земледельцы и сельскохозяйственные рабочие» — 10,0%, а также «торговцы, приказчики, конторщики, бухгалтеры — 9,6%».

Исследуя состав ссыльных интеллигентов, Пешехонов отмечает среди них прежде всего учителей, а среди рабочих — специалистов слесарного дела. Автор делает два закономерных вывода: во-первых, люди физического труда заметно преобладают, и это одна из характерных черт пореволюционной ссылки, во-вторых, едва ли какое другое явление русской жизни настолько «демократизировалось, как политическая ссылка» (Там же. С. 49).

Последний вывод подтверждают и сведения об образовательном цензе. По подсчетам Пешехонова, закончивших высшие учебные заведения оказалось всего 5,7%, средние — 21,9% и низшие — 52%. Автор делает вывод об «очень невысоком» образовательном уровне современной политической ссылки, однако отмечает, что это все-таки значительно выше, чем по России в целом. И опять же следует обоснованный вывод: «политическая ссылка, хотя и демократизированная, по-прежнему вырывает наиболее образованную часть, но теперь не из общества уже только, а из всего народа» (Там же. С. 50).

А.В. Пешехонову, одному из первых исследователей послереволюционной ссылки удалось определить и ее партийный состав. В этом — несомненная заслуга его исследования. При этом, собранные им данные отражают действительную расстановку политических сил в леворадикальном блоке. Здесь лидируют социал-демократы, составляя 38%, за ними следуют социалисты-революционеры — 30%, беспартийные — 17% и анархисты различных фракций — 6%.

Однако, наибольший интерес для нас представляет попытка А.В. Пешехонова выделить при этом из общего числа политссыльных так называемых партийных профессионалов, то есть лиц, как он пишет, «считавших политическую деятельность главным своим занятием».

К сожалению, автор не указывает главные критерии отбора этой категории, а также приводит данные лишь по 233 ссыльным, определив «профессионалами» из них 69 человек или 30%. Безусловно, это завышенный показатель, однако само стремление Пешехонова выделить эту категорию политических ссыльных является правильным и достойным развития (Там же. С. 50–51).

Систематизируя статистические сведения анкет и опросов политических ссыльных, А. В. Пешехонов не упускает ни одного существенного показателя. Он приводит обобщающие сведения по возрастному, семейному и половому признакам, одним из первых анализирует партийный или революционный стаж ссыльных до ареста, определяет наиболее типичные статьи обвинения, вид суда, сроки пребывания в тюрьме, на этапе, в месте поселения.

Статистическая основательность «Очерков...» поражает: по существу, именно А. В. Пешехонов впервые на научной основе, применив контент-анализ, исследовав огромный пласт фактического материала, начинает историческое изучение политической ссылки начала XX в. как явления в общероссийском масштабе.

А.В. Пешехонову одному из первых в либеральной историографии 1905–1917 гг. удалось составить и собирательный портрет политического ссыльного послереволюционной эпохи.

У него это лишенный прав и звания человек, преимущественно русский, в основном мужчина в возрасте от 20 до 30 лет, пришедший в революцию с событиями 1905 г., социал-демократ или эсер, осужденный судебной палатой лишь за принадлежность к какой-либо организации, проведший более двух лет в следственных тюрьмах и отправленный в ссылку с подорванным здоровьем. «Из месяца в месяц свозили их к Иркутску, а потом всех за год в три приема выбрасывали в назначенные уезды и там рассылали по волостям и селениям. Выбрасывали без вещей, без денег, в арестантских котах и халатах... Водворяйтесь!» (Там же. С. 60).

Не менее интересной для исследователя-историографа выглядит и вторая часть «Очерков...» А. В. Пешехонова, посвященная анализу внутреннего мира политической ссылки.

Тема эта уже разрабатывалась в либеральной историографии. Однако большинство авторов, говоря о политической ссылке, писали лишь о бытовых тяготах и неустроенности в местах поселения. При этом надо отметить, что делалось это исключительно с одной целью — привлечь внимание общества к «отверженным». Другие же проблемы этого явления практически не рассматривались. А.В. Пешехонов, пожалуй, первым попробовал рассмотреть внутренний мир ссылки комплексно, с точки зрения исследователя-историка.

Автор пытается выяснить причины появления в местах массовой политической ссылки различных организационных структур — коммун, артелей, колоний, землячеств. По мысли автора, их создание было продикто-

вано как экономическими, так и социально-нравственными причинами. К первым он относит отсутствие у большинства ссыльных денежных средств, узость рынка трудоустройства, дороговизну отдельного жилья и питания, суровость климатических условий. При этом А.В. Пешехонов лишь бегло упоминает об этих материальных тяготах и пробует взглянуть на них с другой стороны, — что может дать ссылка населению Сибирского края?

При всей невосребованности большей части «интеллигентских» и рабочих специальностей, по мнению автора, новая послереволюционная ссылка дает сибирякам все же много. Это прежде всего кузнечное и слесарное дело, промышленная обработка сельскохозяйственного сырья, конторская служба. Автор с удовлетворением отмечает, что местные предприниматели и торговцы предпочитали ссыльных сибирским рабочим: «политики» работали лучше, знали и умели больше.

Особо А.В. Пешехонов отмечает роль ссыльной интеллигенции. Без нее трудно представить местное медицинское обслуживание и просвещение. Эту роль, по мысли автора, «несомненно, отметит будущий историк просвещения в этом крае. Они дают уроки в семьях городской и сельской буржуазии, обучая ее детей всем наукам и искусствам, вплоть до музыки и танцев; они же сеют грамоту и начатки знаний по глухим деревням...» (Указ. соч. № 8. С. 37).

«Устроиться в ссылке можно», — говорит А. В. Пешехонов. Необходимо только не ждать разовой работы, а активно переучиваться, «вживаться» в экономические потребности населения. Перечисляя востребованные здесь специальности — матросов, кочегаров, маляров, грузчиков, ямщиков, плотников, — автор, на наш взгляд, вольно или невольно готовит своего читателя-революционера к возможной будущей политической ссылке.

Как видим, тема «разлагающего», «развращающего» влияния послереволюционной политической ссылки на местное население, развитие которой можно найти в работах других исследователей либерального лагеря, не находит у Пешехонова даже упоминания. Для него «новая» ссылка вносит такой же позитивный вклад в местную жизнь, что и ссылка «старая», дореволюционная. Подобное отношение автора к пролетарской ссылке, на наш взгляд, является объективным и научно обоснованным.

Не останавливаясь только на экономических причинах появления объединений ссыльных, А.В. Пешехонов пытается исследовать их социальные или идеологические предпосылки. Он убедительно доказывает, что, стремясь к объединению в коммуны или артели, политические ссыльные, помимо прочего, испытывали и непреодолимую потребность на деле проверить свои коммунистические убеждения и идеалы. «Ведь они хотели перестроить на новых началах жизнь громадной страны, они хотят перестроить жизнь человечества; неужели они собственную жизнь не смогут устроить в полном согласии со своими идеалами?» (Там же. С. 63).

Автор приводит примеры «коммуной» жизни, полное обобществление денежных средств, заработка, личных вещей ссыльных. Он передает

атмосферу ожесточенных дебатов на тему «может ли ссыльный считаться социалистом, если он не участвует материально и морально в жизни колонии» и т.д.

Реальная действительность, по мысли автора, стала самой действенной проверкой коммунистической теории и психологии. Организованные в едином «душевном» порыве, нередко коммуны быстро разваливались, дробясь на отдельные кружки и группки (Там же. С. 64).

А.В. Пешехонов называет и несколько конкретных причин невозможности коммунистического быта. Он совершенно справедливо выделяет прежде всего естественный индивидуализм, желание человека уединиться и обособиться, разнородность профессионального и национального состава ссылки, наличие в ней случайного элемента, полицейские погромы.

Одну из причин нереальности коммунистического проживания в ссылке автор акцентирует и развивает особо.

Это различия между интеллигенцией и рабочими. Говоря о них, А.В. Пешехонов даже употребляет понятие «антагонизма». Он считает, что между рабочим и интеллигентом существует «извилистая трещина, способная вызвать раскол и социально-классовую рознь». Он убедительно показывает различия культурных интересов и запросов этих двух социальных категорий, отсутствие у рабочих стремления к общественной жизни, ориентацию на разные слои местного населения: если интеллигенция «вращается» среди образованных обывателей и устраивает «чтения Тургенева», то рабочие «деятельно посещают крестьянские вечерки, которые редко обходились без пьяных скандалов и побоищ» (Указ. соч. № 9. С. 97).

Рассуждая об «извилистой трещине» между интеллигенцией и рабочим сословием, А. В. Пешехонов затрагивает и еще одну, по всей видимости, очень важную прежде всего для него самую проблему — проблему «предназначения, долга» интеллигенции перед «своим» народом.

Как и коммунистическая идея, чувство «нравственного долга» интеллигенции перед народом в далекой ссылке также было подвергнуто серьезным испытаниям. И здесь А. В. Пешехонов опять объективен и беспристрастен: немалая часть «товарищей» эту проверку не выдержала. «Устроили было воскресную школу, но охотников заниматься сколько-нибудь серьезно среди рабочих не оказалось... Попытались устраивать рефераты и совместные чтения, тоже ничего не вышло. Охота «нянчиться с рабочими», «тратить остатки нервов на искусственное возбуждение их опять пропала... Получалось впечатление, что люди, говорящие на разных языках, с взаимным чуть ли не презрением в душе сходились ежедневно для общей почти молчаливой кормежки» (Там же. С. 106).

Объективностью выводов отличается и заключение, где А.В. Пешехонов рисует реальную и правдивую картину современной политической ссылки. Она разобщена, внутри нее возможны лишь небольшие объединения на принципах «товарищеских» отношений, в ней царит организационный хаос, она испытывает острую материальную нужду. Можно ли

изменить создавшееся положение? Можно, утверждает автор. По его мнению, «будущее Киренской ссылки, как и ссылки вообще, зависит от дальнейшего хода политических событий в России, и, прежде всего, от изменений в ее политическом настроении».

Работа А.В. Пешехонова представляет самое крупное историческое исследование новой послереволюционной политической ссылки в либеральной историографии начала XX в. В ней автор объективно и беспристрастно изучает практически все стороны современной ссылки — от статистики до анализа ее внутреннего мира и состояния. Исследуя тему комплексно, он приходит к выводу о том, что политссылка является верным отражением общественной действительности, ее своеобразным барометром, и как все общество в целом нуждается в пристальном изучении.

Н.А. ИЛЬИНА

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ — ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ БУРЯТИИ

В начале XXI в. мы все больше обращаемся к событиям, которые происходили в Республике Бурятия в прошлом столетии.

В целом официальная аграрная история Республики Бурятия основывается на тех источниках, которые отложились в большинстве фондов, хранящихся в Государственном учреждении Объединенный архив Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия.

Совет Министров РСФСР от 22 мая 1973 г. принял постановление «Об образовании при министерствах сельского хозяйства автономных республик, управлениях сельского хозяйства крайисполкомов и облизполкомов объединенных междуведомственных архивов» (СП РСФСР. 1973. № 14. Ст. 87).

Во исполнение этого постановления Минсельхоз РСФСР издал приказ от 13 июля 1973 г. № 220 «Об образовании при министерствах сельского хозяйства автономных республик, управлениях сельского хозяйства крайисполкомов и облизполкомов объединенных междуведомственных архивов» и в соответствии с приказом такие архивы начали создаваться (ГУ Объединенный архив Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия (далее ГУ ОА МСХиП РБ), ф. 1, оп. 1, д. 2, лл. 2–7).

Объединенный междуведомственный архив при Министерстве сельского хозяйства Бурятской АССР образован в соответствии с постановлением Совета Министров Бурятской АССР от 6 декабря 1973 г. № 439 «Об образовании при Министерстве сельского хозяйства Бурятской АССР